

18+

Алекс Смирнов
Первая Измена жены
"Томара" Психологический
рассказ. Роман. Драма

<https://litres.ru/74439442>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жёсткая эротика. Психологическая драма.

Тамара — женщина, которая всю жизнь жила правильно: муж, дети, работа с бумагами, выходные на даче. Она привыкла быть незаметной, спокойной, удобной. Никто не говорил ей комплиментов, никто не дарил цветов просто так. И она думала, что так и должно быть.

Но однажды в её жизни появляется человек, который смотрит на неё другими глазами. Он молод, женат и настойчив — и он говорит ей то, чего она не слышала двадцать лет. Тамара теряет почву под ногами. Она перестаёт узнавать себя: сначала в отражении зеркала, потом — в собственных мыслях.

Эта история — не про измену. Она про женщину, которая вдруг поняла, что не знает, чего хочет. Про спокойствие, которое оказалось болотом. Про шаг, который переворачивает всё.

Содержание

Пролог	4
1 Глава Тихая гавань	7
2 Глава Чужой свет	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алекс Смирнов

Первая Измена жены

"Томара" Психологический рассказ. Роман. Драма

Пролог

Он уже был полностью голым. Тамара отвела взгляд, но краем глаза увидела его член — и похолодела. Он был огромным, почти в два раза больше, чем у Андрея. Она никогда не видела других мужчин, кроме мужа, и это зрелище испугало её до дрожи. Головка была тёмно-розовой, набухшей, с выступающей веной вдоль ствола. Длина казалась невероятной — она даже не представляла, что такое вообще бывает. От одного взгляда у неё пересохло во рту.

— Сергей, подождите, — прошептала она. — Может, не надо?

Он не слушал. Он уже стоял рядом, быстро расстёгивая оставшиеся пуговицы её платья. Его пальцы были уверенными, резкими. Тамара что-то бормотала, не связанное, какое-то «но», «мне страшно», но он уже стянул платье через её голову, бросил на пол. Она попыталась прикрыть руками

грудь, но он перехватил её запястья:

— Не прячьтесь, вы великолепны.

Он щёлкнул застёжкой лифчика, и две большие груди вырвались на свободу. Соски предательски затвердели от холода и страха. Он окинул её взглядом, и на губах появилась довольная усмешка:

— Тамара Васильевна, вы просто сказка.

Он увлёл её на кровать, приподнял, и через мгновение её трусики уже летели на пол. Она попыталась сжать ноги, но он был сильнее, развёл их в стороны и навалился сверху. Его член упёрся в её влагалище, и она почувствовала, что это невозможно — он слишком большой. Головка давила на вход, но никак не могла проникнуть внутрь — её узкая, тугая киска, привыкшая только к скромным размерам Андрея, казалась совершенно неподготовленной для такого гиганта.

Сергей нахмурился, отодвинулся и, сплюнув себе на ладонь, грубо смазал головку.

— Как девочка, — пробормотал он. — Ну-ка, расслабьтесь, Тамара Васильевна.

Она хотела встать, хотела сказать «нет», но он снова широко раздвинул её ноги и со всей силой навалился. Она почувствовала, как его головка упирается в её вход, растягивая узкое отверстие до предела. Кожа натянулась, побелела от напряжения. Она закусил губу, когда он начал давить — медленно, но настойчиво, пытаясь протиснуться внутрь.

— А-а-а, — вырвался у неё сдавленный стон. — Серё-

женька, больно!

1 Глава Тихая гавань

Тамара не любила зеркала. Не потому, что боялась увидеть морщины или седину — просто ей казалось неловким смотреться на себя слишком долго, словно подглядываешь за кем-то, кто не просил внимания. И если бы кто-то со стороны описал её, то непременно сказал бы: «Красивая женщина. Не стройная — нет, но такую в старину называли ладной. Волосы русые, густые, глаза серые, ясные. И тишина от неё идёт, как от лесного озера».

Но Тамара об этом не знала. Она знала другое: накладные, счета-фактуры, акты сверки. В конторе автобазы, где пахло соляжкой и старыми папками, она сидела в углу за своим столом, похожая на пугливую мышь — без косметики, в немарком свитере, с собранными в пучок волосами. Начальник Геннадий Степаныч говорил: «Тамара — золото. Не высовывается, не пищит, бумажки любит как родных».

Её муж Андрей работал там же, водителем. Каждый день ровно в восемь утра он заходил в диспетчерскую, скидывал шапку и негромко бросал: «Ну, здравствуйте, что ли». И Тамара из своего угла тихо отвечала: «Здравствуй, Андрюш». И всё. За двадцать лет совместной жизни им не нужны были длинные разговоры по утрам. Спокойствие стало их общим языком.

— Тамар, а Тамар, — позвала однажды бухгалтерша Люд-

ка, цокая каблуками по линолеуму. — Ты бы хоть помаду купила. Тридцать пять бабе — самый сок. А ты вон вся серая, как мышь. Мужик-то твой глянет на сторону — что тогда?

Тамара подняла глаза от накладной на запчасти. Ни обиды, ни вспышки.

— Люд, а он смотрит? Ему главное, чтобы уха на даче свежая была да помидоры с грядки. А помада... я в ней себя чужой чувствую.

— Ну дура, — беззлобно вздохнула Людка и ушла звонить в налоговую.

Тамара улыбнулась своим мыслям. Андрей и правда никогда не просил её краситься. Один раз, году в девяносто восьмом, купил ей тени — так они до сих пор лежали в ящике комода, ни разу не открытые. Дети — Сашка пятнадцати лет и Лиза одиннадцати — тоже росли тихими. Сашка всё лето пропадал с удочкой на речке, Лиза пересаживала на подоконнике фиалки и шептала им что-то своё, девичье.

По выходным они ездили на дачу. Это был их ритуал. Андрей с пятницы грузил в багажник «Жигулей» удочки, резиновые сапоги, банку червей. Тамара собирала корзину с едой — обязательно пирожки с капустой, огурцы слабосолённые, чай в термосе. Сашка паковал плеер с кассетами «Кино». Лиза — книжку про фей.

И вот это утро субботы. Туман над огородом, роса на смородине. Андрей уже на речке — его высокие сапоги видно из-за кустов ивы. Тамара на грядках: рыхлит землю вокруг

пионов, поправляет подвязки у гладиолусов.

— Мам, а пион один упал, — говорит Лиза, стоя рядом в резиновых сапогах не по размеру. — Вон тот, розовый. Жалко его.

— Не жалко, дочка, — Тамара осторожно поднимает тяжёлую голову цветка, подвязывает мягкой тряпицей. — Упал — потому что много силы в нём. Цветёт так, что стебель не держит. Ты тоже когда-нибудь расцветёшь — кто знает, может, и не удержишься.

Лиза задумчиво смотрит на мать.

— Ты, мам, тоже так можешь? Сильно расцвести?

Тамара смеётся — тихо, почти беззвучно.

— Нет, Лиз. Мне и так хорошо. Мне бы чтобы вы цвели. А я уж как-нибудь... корнями.

В обед приходит Сашка — мокрый, счастливый, с тремя окуньками в ведёрке.

— Мам, гляди! Андрей Петрович (так он в шутку называл отца) сказал, что я сегодня больше всех поймал. Только один уж очень мелкий — я его отпустил.

— Молодец, Саш. Отпустил — правильно. Пусть растёт. — Тамара вытирает руки о фартук и достаёт сковороду. — Жареных окуней хочешь?

— Ещё как!

К вечеру вся семья сидит на веранде. Андрей — в телогрейке, несмотря на июль, потому что с реки всегда тянет холодом. Тамара заваривает свежий чай с мелиссой со своей

грядки. Лиза читает вслух про эльфов. Сашка дремлет, положив голову на скрещенные руки. И так хорошо, так правильно — ни лишнего слова, ни лишней суеты.

— Слушай, Тамара, — Андрей отставляет кружку. — А ты счастливая?

Вопрос неожиданный. Обычно он не спрашивает такого. Тамара замирает, потом поворачивается к мужу — в сумерках её серые глаза кажутся почти чёрными.

— Счастливая, Андрюш. А что?

— Да так. Гляжу на тебя — ты никогда не ноёшь, не требуешь ничего. Другие бабы вон — шубы там, телефоны. А ты... ты у меня как заведённая. Не жалко тебе?

Тамара протягивает руку и кладёт ему на плечо.

— Дурак ты, Андрей. У меня вы все есть. Что мне ещё? Не шубу же.

Он усмехается, похлопывает её по ладони — и разговор умирает. Естественно, как всегда. Никто не плачет, не клянется в вечной любви. Просто двое людей под потрескивающей лампочкой на дачной веранде. И тишина.

А через неделю случилось то, что Тамара потом назовёт «переломом». Это была среда, обычный день. Она сидела в конторе, сводила дебет с кредитом. Людка ушла на обед — оставив на столе недоеденный йогурт и открытую папку с личными делами. Тамара не смотрела в чужие бумаги никогда. Но тут она случайно задела локтем папку — и та упала. Листы разлетелись. Среди них — тонкая бумажка, не офи-

циальная, а так, на клочке.

Она хотела её поднять и убрать, но глаза сами прочитали.

«Андрей — рейс 15.08 — две накладные без ТТН. Я закрыл. Но осторожнее, начальство заметит».

Тамара замерла. В голове — ни одной мысли. Только тишина, но теперь — странная, колючая, как иней в сентябре.

Она положила клочок обратно, как лежал. Поправила папку. Села на своё место.

И впервые за много лет не пошла к Андрею в гараж обедать. Сказала по внутреннему телефону:

— Андрюш, у меня сверка. Поешь без меня.

— Как хочешь, — ответил он. Так же спокойно.

Вечером, на кухне, когда Лиза делала уроки, а Сашка мыл посёлку, Тамара смотрела на мужа. Он чистил рыбу на газете. Всё как обычно.

— Андрей, — тихо сказала она. — А у тебя на работе всё хорошо?

Он поднял голову. Секундная заминка.

— А чего? Нормально. Ты же там сама всё видишь.

— Вижу, — сказала Тамара и замолчала.

В её спокойных серых глазах Андрей впервые за двадцать лет увидел не озеро. Он увидел лёд. Тонкий, прозрачный, но такой, под которым уже не было привычной тихой глубины.

Она встала из-за стола, поцеловала детей в макушки и ушла в спальню. Закрыла дверь. И долго сидела на кровати, глядя в стену.

А внутри неё, в той самой тихой гавани, где двадцать лет не было даже ряби, начиналась буря. Молчаливая. Страшная своей спокойной силой.

Тамара не плакала. Она просто сложила руки на коленях и подумала: «Выходит, я не мышь. И не озеро. А кто — сама пока не знаю. Но завтра буду знать».

2 Глава Чужой свет

Новый сотрудник появился во вторник. Тамара как раз разбирала реестр счетов за прошлый месяц, когда в дверь конторы кто-то громко, почти нагло постучал — не как обычно, робко, а так, будто хозяин пришёл. Людка, сидевшая у окна, первой вскинула голову и присвистнула:

— Ого! Геннадий Степаныч, это вы нам помощника взяли? Или модель для журнала?

В проёме стоял парень лет тридцати, высокий, с тёмными волнистыми волосами, чуть небрежными, и глазами цвета крепкого чая. Он улыбнулся той улыбкой, которая в одно мгновение говорит: «Я знаю, что я хорош, и вы тоже знаете». Короткая кожаная куртка, джинсы, кеды — не по-автобазовски, ярко, свежо.

— Сергей, — представился он, оглядывая комнату быстрым, цепким взглядом. — Новый механик. Геннадий Степаныч сказал, я у вас тут буду техническую документацию приводить в порядок. С вашего позволения, — и он шагнул к столу Тамары, протянул руку. — А вы, наверное, Тамара Васильевна? Мне говорили, вы тут главная по бумагам.

Тамара подняла глаза. И в ту же секунду почувствовала странный толчок, будто кто-то легонько стукнул её по спине. Она машинально встала, подала ладонь — и его пальцы оказались тёплыми, сухими, и он сжал их на секунду дольше,

чем следовало.

— Да, я, — выдохнула она. — А вы... Сергей? Что ж, добро пожаловать. Вот тут, за тем столом, освободилось место. Только там папки — я потом уберу.

— Не надо, — он усмехнулся, и в голосе проскользнула мягкая насмешка, но не злая. — Я сам люблю порядок. Тем более если вы его наводили — мне уже нравится.

Тамара почувствовала, как к щекам приливает тепло. Она не умела краснеть красиво — у неё всё лицо становилось пятнистым, как будто кипятком обдали. Она отвернулась к монитору и сделала вид, что ищет какую-то цифру. Людка за её спиной хихикнула и шепнула:

— Тамара, ты чего? Помидором стала.

— Иди ты, — шепнула Тамара в ответ, но голос дрогнул.

С этого дня всё пошло не так.

Сергей работал в соседнем кабинете, но постоянно заглядывал к бухгалтерам: то спросить формуляр, то уточнить инвентарный номер, то просто принести чай — и ей, и Людке, но Людке чаще с сахаром, а Тамаре без, как она любила.

— Откуда знаете? — спросила она как-то, когда он поставил перед ней кружку с мятой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.